

3 0 ABΓ 1955

BA

ACTA
ORIENTALIA

ACADEMIAE SCIENTIARUM
HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS

K. CZEGLÉDY, L. FEKETE, J. NÉMETH, S. TELEGDI

REDIGIT

L. LIGETI

TOMUS IV

FASCICULI 1-3

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
BUDAPEST, 1955

ACTA ORIENT. HUNG.

4261

I N D E X

L. FEKETE : *Gül-Baba* et le *bektāši derk'āh* de Buda — Л. Фе к е т е : Гюль-Баба 1

K. CZEGLÉDY : Monographs on Syriac and Muhammadan Sources in the Literary Remains of M. Kmoskó — К. Ц е г л е д и : Монографии о сирийских и магометанских источниках среди рукописей в наследстве М. Кмошко 19

Л. ЛИГЕТИ : О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана — L. LIGETI : Recherches sur les dialects mongols et turcs de l'Afghanistan ... 93

LOUIS LIGETI : Le lexique moghol de R. Leech — Л. Лигети : Могольский глоссарий R. Leech'a 119

RINTCHEN (Oulanbator) : A propos du papier-monnaie mongol — Ринчен (Улан-батор) : О бумажных деньгах у монголов 159

PAVEL POUCHA (Praha) : Zwei Parallelen zur Geheimen Geschichte der Mongolen — П. Поуха (Прага) : Две параллели в «Сокровенном сказании монголов» 165

PAVEL POUCHA (Praha) : *Ma'ar(at)*, *Mad(a)sarī*, *Matčáđqoi* — П. Поуха (Прага) : *Majar(at)*, *Mad(a)sarī*, *Matčáđqoi* 171

G. URAY : Duplication, Gemination and Triplication in Tibetan — Г. Урай : Удвоение и повтор основы и слова в тибетском языке 177

LADISLAV ZGUSTA (Praha) : The Iranian Names from the North Coast of the Black Sea — Л. Згуста (Прага) : Иранские имена, употребляемые на северном побережье Черного моря 245

B. CSONGOR : Some More Chinese Glosses in Uighur Script — Б. Чонгор : Новые китайские глоссы из эпохи Тан'а в уйгурской транскрипции 251

J. AISTLEITNER : Ein Opfertext aus Ugarit (1929 N° 2) — Й. Айстлейтнер : Жертвенный текст из Угарита (1929 № 2) 259

A. SCHEIBER : Fragment from the Chronicle of 'Obadyah, the Norman Proselyte — А. Шейбер : Фрагмент хроники норманского прозелита Обады 271

Comptes-rendus :

R. A. D. Forrest : The Chinese Language (B. Csongor) — Ян Хин-шун : Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение (Ф. Текеи) — В. С. Воробьев-Десятовский : Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым (G. Uray) — M. Hermanns : Tibetische Dialekte von Amdo (G. Uray) — P. Aalto : A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature (G. Kara) — Монгольская Народная Республика. Сборник статей (Й. Кун) — Theodor Nöldekes Belegwörterbuch zur klassischen arabischen Sprache (J. Somogyi). 297

502

27p

Сомогьи

О МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
И ДИАЛЕКТАХ АФГАНИСТАНА*

С лингвистической точки зрения Афганистан несомненно является одной из самых интересных территорий, ведь на этой территории говорят на таком большом числе языков и на столь различных типах языков, что она решительно напоминает богатую лингвистическую карту Кавказа. В круг нашей задачи не входит рассмотрение распределения этих языков и диалектов,¹ а также не входит в круг нашей задачи описание их самых новых исследований. Нужно однако сказать несколько слов в рамках этой общей взаимо-обусловленности, хотя бы и кратко, о двух группах этого богатого языкового материала; одна из них органически связана с предметом настоящего доклада, а другая, в определенных случаях, находится в тесной связи с первой. Первой является тюрко-монгольская, а второй иранская группа. Начнем с последней.

Иранские языки, принадлежащие к самым древним живым языкам Афганистана, представляют собой очень пеструю картину. Так называемые памирские языки, далее афганский язык и наконец таджикский язык в Афганистане представляют собой четко отграниченные типы иранских языков, имеющие разное лингвистическое и историческое значение, а кроме того они не в одинаковой мере находятся в распоряжении научных исследований.

Долгое время памирские языки были в наименьшей мере изучены. Впрочем, только на одной части этих языков говорят в Афганистане небольшие языковые общины в горных ущельях, в недоступных шалашах; на другой же, ни в коем случае не меньшей части этих языков, говорят на территории Индии и Советского Союза. Внимание ученых постепенно привлекалось к ним в связи с открытиями в Центральной Азии, в ходе которых был обнаружен ряд до тех пор неизвестных иранских языков, вследствие чего стало ясно, что с точки зрения истории иранских языков, следует

* Доклад, прочитанный на годовичном собрании Венгерской Академии Наук 28 мая 1952 г.

¹ Хорошим справочником по различным языкам Афганистана является труд G. Morgenstierne, Report on a linguistic mission to Afghanistan (введение), Oslo 1926. (Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning, Serie C, I, 2.)

уделять больше внимания исследованию изолированных языков, на которых говорит небольшое число людей.

При таких обстоятельствах едва ли является случайным, что в последние десятилетия в исследовании и научной разработке памирских языков заметен серьезный подъем; результатом этого были труды Зарубина, Климчицкого, Вавилова, Morgenstierne, Sköld'a, Lentz'a и т. д.; их труды оказали неоценимую помощь в иранистике; они открыли новые перспективы для дальнейших исследований.²

Афганский язык — пушту —, само собой разумеется, является одним из рано подвергшихся менее-более систематическому исследованию; он является в общем наиболее изученным из всех языков Афганистана. В самых последних десятилетиях изучение этого языка велось также с успехом; достаточно, если сошлемся на лингвистические и фольклорные материалы, собранные на территории афганских наречий, афганский этимологический словарь и т. д.

Все-таки было бы ошибкой думать, что в этой области уже нечего делать. Наоборот, как раз теперь, все больше и больше внимания обращается на вопиющие недостатки в этой области, тем более, что уже сами афганцы занялись научным исследованием своего родного языка и начали заботиться об его развитии и чистоте.

Обучение афганскому языку в школе, его употребление в государственной жизни, литературе и науке требует решения серьезных проблем, особенно, если примем во внимание специфические общественно-политические условия Афганистана. Для афганского языка, диалектно сильно расчлененного, нужно было позаботиться прежде всего об едином литературном и разговорном языке. Первая попытка в этом отношении уже сделана, в основу нового языка в основном легло канадагарский диалект. Впрочем, с новым литературным языком знакомит нас прекрасный афганско-русский словарь Зудина и Бертельса, появившийся в 1950 г.³

Особого внимания заслуживает, что Афганская Академия Наук приступила к изданию нормативной грамматики афганского языка и многотомного афганского толкового словаря.

Совсем не так обстоит дело с исследованием персидских и таджикских диалектов Афганистана. Персидский язык, наряду с афганским и

² О значительном обогащении исследований свидетельствует следующий, недавно вышедший из печати труд: В. С. Соколова, Очерки по фонетике иранских языков, II (осетинский, ягнобский и памирские языки), Москва — Ленинград 1953. Изд. Ак. Наук СССР.

³ Краткий афганско-русский словарь. Составил А. Б. Зудин, под редакцией члена корреспондента АН СССР проф. Е. Э. Бертельса. Москва 1950. О формировании афганского литературного языка и роли Академии Наук Афганистана в его формировании см. введение в словарь (стр. 1—5) и стр. 561—564.

даже в ущерб афганскому, долгое время играл большую роль в государственной жизни, литературе и т. д.⁴ Все-таки интересно, но и в полне понятно, что он не приспособился к форме обиходного персидского языка, употребляющегося в Персии, но употреблялся в форме, которая в деталях иногда очень отличалась от него, и развивался главным образом на основе кабульского наречия, вследствие чего сформировалось какое-то литературное койнэ. Нужно сказать, что этот особый персидский литературный язык по существу является ничем иным, как литературной формой кабульского наречия таджикского языка.⁵

Особенности таджикского литературного языка Афганистана, встречающиеся как в словарном составе, так и в грамматическом строе, можно объяснить на основании местных таджикских наречий. К сожалению, в области исследования таджикских наречий Афганистана почти что ничего не сделано. Не считая небольших монографий по литературному таджикскому языку, называемому кабульским, и бадахшанским наречием, да несколько разбросанных и общих замечаний, собственно говоря, весь огромный материал можно считать незнакомым.⁶

А между тем часто влияние «персидского» языка на афганский язык, памирские языки, тюркские и монгольские диалекты Афганистана в области словарного состава и грамматического строя в совершенстве часто можно понять только при помощи таджикских черт, имеющих в таджикских наречиях Афганистана. Не подлежит сомнению, что метод некоторых прежних исследователей, пытавшихся объяснить это влияние при помощи литературного персидского языка, является в корне ошибочным и не может привести к результатам.

Конечно, правильную картину развития, специфического положения таджикских наречий Афганистана можем получить только тогда, если примем во внимание и другие самые важные наречия. К этим принадлежат определенные персидские диалекты Персии и Индии, а в первую очередь аджикские диалекты на территории СССР, прежде всего в Таджикистане.

⁴ Хотя представители родовой аристократии, сохраняющие связь со своими поместьями, зачастую и владеют афганским языком, но в правящих кругах он в значительной степени был вытеснен языком персидским, до начала 1933 г. бывшим единственным государственным языком Афганистана.» П. Б. Зудин — Е. Э. Бертельс, Краткий Афганско-русский словарь, стр. 561.

⁵ Краткий, но ценный обзор, опубликованной на этом языке литературы, дан в Большой Советской Энциклопедии, 2-е изд., т. 3, стр. 507.

⁶ L. Bogdanov, *Stray notes on Kabuli Persian: Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (New Series), Vol. XXVI (1930), 1—123.* — D. L. R. Lorimer, *The Phonology of the Bakhtiari, Badakhshani and Madaglashti dialects of modern Persian. With vocabularies.* (Royal Asiatic Society, Prize Publication Fund, Vol. VI, London 1922). — G. Morgenstierne, *Persian Texts from Afghanistan: Acta Orientalia VI (Oslo 1928), 309—328.*

Несомненно, что дело с исследованием персидских и таджикских наречий вне Афганистана обстоит более благополучно, однако нет сомнения в том, что в этой области самую большую помощь могут оказать научные результаты, достигнутые советскими языковедами в области исследования таджикского языка и диалектов, употребляемых на территории СССР.

Таджикский народ, перед которым Советская Конституция открыла все возможности культурного подъема, развивает свою литературу и науку на родном языке; этот богатый и очень ценный материал с точки зрения языкознания представляет собой неисчерпаемый золотой клад. Особого внимания заслуживают прежде всего появившиеся в последнее время лексикографические труды, среди которых особо следует выделить большой таджикско-русский и русско-таджикский словари, появившиеся в издании Таджикского филиала АН СССР и Академии Наук Таджикской ССР⁷.

Тюркские языки на территории сегодняшнего Афганистана появились сравнительно поздно. Хотя правда, что уже в эпоху западно-тюркского государства, северные и северо-восточные районы Афганистана покорили предводители небольших тюркских племен. По предположению W. Barthold'a — карлуки, например, осели здесь уже в VII или VIII веке,⁸ однако, по всей вероятности, заселение упомянутых районов предками каких бы то ни было современных тюркских групп нельзя отнести к такой ранней эпохе. Во всяком случае следующее положение сформировалось значительно

⁷ С русскими и советскими исследованиями в области таджикской диалектологии подробно знакомит нас труд: В. С. Расторгуева, Очерки по таджикской диалектологии. Выпуск 1, Варзобский говор таджикского языка (Введение, 1. Обзор литературы по таджикской диалектологии, 9—19). Выпуск 2. Северные таджикские говоры: Полосышайдан—Ашт—Чуст—Кассансай. Москва 1952 (Академия Наук СССР). — Таджикско-русский словарь под общей редакцией академика Е. Н. Павловского, члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса, Джалона Икромии и Рахима Джалила. Том 1, А—Н, Сталинабад—Ташкент 1946 (Государственное издательство Таджикской ССР). — К сожалению, я знаком только с первым томом этого важного словаря. Возможно, что и не появилось больше томов этого произведения, которое, впрочем, заменяется следующим выдающимся двухтомным трудом. — Русско-таджикский словарь, под редакцией А. П. Дехоти и Н. Н. Ершова, главный редактор член-корреспондент АН СССР Е. Э. Бертельс. Таджикский филиал Академии Наук СССР, Институт истории, языка и литературы. Москва—Сталинабад 1949. Этот грандиозный труд издан в формате четверти листа на 880 страницах и содержит 45 000 слов. Таджикско-русский словарь. Под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенской, главный редактор член-корреспондент Академии Наук СССР Е. Э. Бертельс. 40 000 слов. С приложением грамматического очерка, составленного В. С. Расторгуевой. Академия Наук Таджикской ССР. Институт языка и литературы. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва 1954.

⁸ W. Barthold, 12 Vorlesungen über die Geschichte Türken Mittelasiens (Berlin 1935), 100. Эти взгляды Бартольд подчеркивает и в иных трудах, напр.: *Enzycl. Islam*, 766, Очерк истории Семиречья, Фрунзе 1943, 21. Ср. еще: А. Ю. Якубовский, Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв.: Советская Этнография 1947 (3), 53.

позже, а окончательную форму могло получить только в период перед монгольским нашествием и после него.

Тюркские языки Афганистана с точки зрения лингвистической классификации принадлежат к трем типам: кыпчакскому, огузскому и турецкому (*turkî*); все они в меньшей или большей мере иранизированы.⁹ Самыми значительными из них являются узбекский и туркменский. Оба они, конечно, находятся в тесной связи с подобными тюркскими языками на территории СССР и являются их наречиями, с лингвистической стороны очень интересными, но мало знакомыми. Особого внимания заслуживает мало известное кызылбашское наречие, на котором говорят вблизи Кабула. Наконец, нужно считаться также с еще точно не определенными тюркскими языками или диалектами, на которых говорят главным образом в северных районах.

Тюркские языки Афганистана раньше не подвергались лингвистическому исследованию; практически все они считались незнакомыми. Первое издание материала относится ко второй половине 30-х годов; его подготовил G. Jarriug. В своем однотомном сборнике он опубликовал материалы по андхуйскому узбекскому диалекту, а кроме того издал всеобщий справочник по классификации тюркских языков Афганистана, главным

⁹ В этой части я придерживаюсь своей собственной системы классификации тюркских языков. В последнее время советскими тюркологами была рекомендована заслуживающая внимания классификация тюркских языков, отличающаяся в известных отношениях от моей классификации. Ср. Н. А. Баскаков, К вопросу о классификации тюркских языков: Известия Акад. Наук СССР, том XI (1952), 121—134. С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, там же, 135—143. Следуя классификации Н. А. Баскакова, тюркские языки Афганистана придется причислить к «огузской», «кыпчакской» и «карлукской» группам. Я должен отметить, что считаю наименование «карлукский» на русском языке более удачным, чем иноязычный и неудобопонятный термин «турецкий». Помимо этого, к историческим наименованиям «огузский» и «кыпчакский» лучше подходит имеющий также исторический характер термин «карлукский», чем применение иноязычного (персидского *تورکي* *turkî*) названия, возникшего в тюркской ономастике сравнительно поздно. После проведения контрольных обследований весьма вероятно, что я сам приму термин «карлукская группа». Пока что хочу указать на то, что лишь одна часть печенегов говорила на языке огузского типа, первоначальный же печенегский язык принадлежал к тюркским языкам кыпчакского типа, как это убедительно выяснили исследования J. Németh'a; ср. J. Németh, Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós (Bibliotheca Orientalis Hungarica II, Budapest 1932), Anhang I. Die Sprache der Petschenegen und Komänen, стр. 50—59. Я с большой радостью приветствую мнение Н. А. Баскакова, по которому и хазарский язык должен быть включен в «булгарскую группу». В исследовании столь своеобразной западной ветви тюркских языков, единственным живым продолжением которой является чувашский язык, мнение Н. А. Баскакова представляет собой важную новую точку зрения, обещающую несомненно весьма значительные новые результаты в области исследования истории тюркских языков.

образом на основании изданных раньше путевых записок и этнологических трудов.¹⁰

Как известно, тюркские языки— на которых говорят в северных районах Афганистана, просто невозможно отделить от тюркских языков и диалектов, на которых говорят к северу от афганской границы.¹¹ При их исследовании и научной обработке само собой разумеется, не можем обойтись без того огромного материала, который предоставляет нам советская тюркология по узбекскому, киргизскому и туркменскому языкам.

Монгольский язык или монгольские диалекты в Афганистане появились еще позже, чем тюркские. Этот вопрос сам по себе является очень интересным: проникли в Афганистан какой-нибудь из монгольских языков до монгольского нашествия, или же в действительности эфталитский язык принадлежал к монгольскому типу языков? С практической точки зрения однако, этот вопрос на этот раз не имеет никакого значения, ибо можно установить, что все монгольские диалекты Афганистана восходят к эпохе нашествия монголов.

Что касается монгольского языка Афганистана, то в этом отношении долгое время господствовала полная неразбериха. Одни считали монголами по языку аймаков, другие племя хазара («варвары»), а были и такие, которые монгольский язык приписывали исключительно моголам или моголам.

Первый настоящий монгольский языковый материал из Афганистана издал более ста лет тому назад Leech.¹² Этот материал, изданный в 1838 г. и содержащий не совсем полтора ста слов и несколько примеров, разработал в 1886 г. Gabelentz; он доказал, что, материал, несмотря на изобилие персидских элементов, носит несомненно монгольский характер.¹³ Следующая попытка исследования была сделана только в 1903 г., когда

¹⁰ G. Jarring, *Uzbek Text from Afghan Turkestan. With glossary.* — Lund—Leipzig 1938, V, 246. (Lunds Universitets Årsskrift, N. F. Avd. 1. Bd. 34. Nr. 2.) — Его же, *On the Distribution of Turk Tribes in Afghanistan. An Attempt at a Preliminary Classification.* — Lund—Leipzig 1939, 104. (Lunds Universitets Årsskrift, N. F. Avd. 1. Bd. 35 Nr. 4.) — Ср. еще: K. Menges, *Zum Özbekischen vom Nord-Afghanistan: Anthropos* XLI—XLIV (1946—1949), 673—710.

¹¹ G. Jarring, *On the Distribution of Turk Tribes*, 11.

¹² B. Leech, *Epitome of the Grammars of the Brahuiky, the Balochky and the Panjabi Languages, with Vocabularies of the Baraky, the Pashi, the Laghmani, the Cashgari, the Teerhai, and the Deer Dialects: Journ. of Asiatic Society of Bengal* VII (1838), 538—556, 608—620, 711—732, 780—787. Этот, появившийся в продолжениях труд, содержит монгольский материал на стр. 785—787 под заглавием «A Vocabulary of the Language of the Moghal Aimaks». Этот труд в немножко измененном виде был издан и отдельно Географическим Обществом Бомбея под заглавием «Vocabularies of Seven Languages, Spoken in the Countries West of the Indus».

¹³ H. C. v. d. Gabelentz, *Über die Sprache der Hazaras und Aimaks: ZDMG* XX (1866), 327—334, в том же томе (612—613): *Ergänzungen und Berichtungen von Prof. Fleischer.*

Ramstedt, после того как ему не удалось попасть в Афганистан, на афганско-русской границе собрал в течение пяти дней от двух моголов кое-какой материал.¹⁴ Понятно, что и после того картина о монгольском языке Афганистана осталась схематичной и далеко не удовлетворяющей.

Как раз поэтому вызывали беспокойство известия побывавших на месте исследований о том, что каждая их попытка исследовать монгольский язык, оказалась напрасной, и, что таким образом, монгольский язык Афганистана следует считать мертвым.¹⁵

II.

После всего этого в 1936—37 гг. по поручению Венгерской Академии Наук я попытался выяснить: действительно ли совсем исчез язык монгольских завоевателей Афганистана, а поскольку нет, то собрать все, что возможно при данных условиях в течение времени, имевшегося в моем распоряжении.

Мне удалось найти могольский язык и даже познакомиться с его несколькими диалектами. Но оригинального фольклорного материала при самом тщательном исследовании я не мог найти. Я удивился, когда заметил, что почти все моголы являются двуязычными; кроме родного языка они прекрасно говорят на местном таджикском диалекте и почти что скрывают знание могольского языка; вот поэтому так трудно напасть на их следы. Значительная часть прежних могольских племен ныне уже совсем не упо.

¹⁴ G. J. Ramstedt, *Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan*: JSFOu XXIII: 4 (1906), 1—60.

¹⁵ Dr. E. Trinkler, *Afghanistan, eine landeskundige Studie auf Grund des vorhandenen Materials und eigener Beobachtung*: *Ergänzungsheft Nr. 196 zu «Petermanns Mitteilungen»* (Gotha 1928), 53—54: «Trotz meiner Nachforschungen konnte ich keinen Hinweis auf das Vorhandensein mongolischer Dialekte finden. Wohl aber sprachen zur Zeit Baburs (1483—1530) die Hesareh noch mongolisch.» В Мешхеде, а даже в Герате, в ходе моих поисков за могольским языком долгое время и я получал одни отрицательные ответы. Однако по G. Morgenstierne (*Report on a Linguistic Mission to Afghanistan*, 6): «While the Mongol Hazaras have generally adopted a peculiar dialect of Persian, Mongolian is still spoken by the Taimanis about Rud-i-Gas and Adraskand near Sebzawar (the village of Mir Mana, Bedak, Hazi kuh, Karez Sultan, Pir Surkh, Gaza and Chashma Khuni were mentioned), and possibly also between Maimana and Herat.» Информации Morgenstierne очевидно происходят из вторых рук, поэтому и не могут быть точными. Такого рода информации легко могут сбить человека с толку, даже в том случае, если они почерпнуты на месте у моголов, ибо могольскими считают и такие населенные пункты, которые уже давно потеряли оригинальный язык, или же могольским считают и такое село, в котором на могольском языке говорят одна-две семьи или же знают этот язык один-два человека, да и то как второй язык со слишком ограниченной функцией.

требляет могольского языка, а знает только местный таджикский диалект. Таким образом не было трудно установить, что могольский язык находится в самом деле в стадии вымирания. Об этом процессе свидетельствует между прочим и то, что поскольку он и встречается, то изобилует таджикскими диалектными элементами в словарном составе, а в определенных случаях даже в грамматическом строе.¹⁶

Главной целью моего путешествия в Афганистан было разыскание могольского языка; эта работа из-за специфики условий была связана с большими затруднениями. Несмотря на это, мне удалось собрать словарный материал, состоящий из более 4000 слов с соответствующими предложениями (примерами), незначительное количество текстов, и, наконец, я приобрел от одного из моих учителей автографический сборник стихов рано умершего могольского поэта *Qâdar*, писавшего на персидском, арабском и могольском языках.¹⁷

В ходе моих исследований в области могольского языка Афганистана я попытался выяснить: живет ли этот язык у хазара («варваров») и аймаков, которых раньше считали монголами.¹⁸ Мои исследования принесли отрицательный результат, но с другой стороны помогли сделать очень ценные наблюдения.

Кроме моих исследований в области могольского языка я не отказался также от богатых возможностей, предоставившихся мне для изучения тюркских языков Афганистана, хотя это и не было мною запланировано. В это время об этих языках почти что ничего не было известно (даже упомянутая книга *J a r r i n g*'а вышла в свет только в 1938 г.). Я чувствовал, что насколько бы ни были мои записи схематичными и неполными, с точки зрения тюркологических исследований, они сделают услугу.

¹⁶ В связи с двуязычностью моголов возникают важные вопросы принципиального характера; а именно, что значит скрещение языков применительно к могольскому языку, каков результат скрещения? Я более подробно занимался этим вопросом на основе сталинского учения о языке. В своем выступлении на собрании Венгерской Академии Наук 1951, где я высказался в связи с докладом *N é m e t h G y u l a, A kevert nyelvtrend-szer kérdéséhez (Az oszmán-török nyelv kettős rendszere)* (К вопросу о смешанной системе языков. Двойная система османо-тюркского языка). См. Сообщения I отдела Венг. Ак. Наук II (1952), 332—342

¹⁷ На стихотворениях *Qâdar* с точки зрения формы и содержания заметно влияние персидской и арабской поэзии. Поэтический язык, который он намеревался создать, тоже изобилует элементами арабского и персидского словарного состава. Но эти чужие элементы имеют совсем другой характер, чем те, которыми пользовался разговорной могольский язык. *Qâdar* в своих стихотворениях употребляет арабские и персидские слова в их литературных формах, а так как не обладал прочными знаниями по грамматике и орфографии этих языков, иностранные слова у него встречаются чаще всего в искаженном виде.

¹⁸ С литературой, касающейся моголов, хазара и аймаков в общих чертах знакомит нас *G. J a r r i n g, On the Distribution of Turk Tribes, 79—81.*

Первые свои подробные записки я сделал об одном узбекском диалекте, на котором говорит племя маймэнэ-кухи, (всего 200 домов), но живущее на значительно большей территории. Точных диалектных границ, к сожалению, ни здесь, ни в другом месте мне не удалось установить. По этим диалектам я собрал фольклорный материал, в частности несколько *dastân*, рассказанных в прозе; я сделал к нему объемистый глоссарый, замечания по грамматике и т. д.

Мой другой большой тюркский материал записан на территории конгратского диалекта узбекского языка. Однако этот материал с лингвистической точки зрения представляет собою значительно более интересный и редкий диалект, чем предыдущий. Конгратский диалект принадлежит к так называемому кыпчакскому типу узбекских диалектов. По этому диалекту я собрал преимущественно лексический материал и короткие песни.

По другим узбекским и туркменским диалектам, а также по языку кабульских кызылбашей я принес с собой только фрагментарный материал. Я старался рассмотреть каждый мне попавшийся диалект, но для их изучения в моем распоряжении было часто только несколько дней, а иногда всего несколько часов. Такой материал, конечно, не может состоять из иного, чем из более-менее длинного или короткого глоссария, из нескольких коротких прозаических текстов или песен.

III.

Результаты моих лингвистических исследований в Афганистане я собираюсь опубликовать в трех различных по объему томах. В один из них вошел бы материал относительно могольского языка, в другой — мои исследования в связи с диалектом маймэнэ-кухи, а в третий — общий справочный материал а также небольшие по объему записки. К их окончательной подготовке к печати я приступил теперь и начал работу с тома, упомянутого на третьем, последнем месте; вот это и делает мой нынешний отчет актуальным.

Этот том, можно надеяться, выйдет в свет в скором времени. Об этом давно запланированном произведении (*Une mission linguistique en Afghanistan*), о некоторых его важнейших достижениях я хочу теперь дать краткий отчет.

Собственный материал моих исследований относительно могольского языка войдет в особый том, им я тут по существу не хочу заниматься. Но излагаю все то, что на основе исторических источников и моих исследований относится к появлению могольского языка в Афганистане. Могольский язык несомненно был внесен в Афганистан во время монгольских завоеваний монгольскими гарнизонами, которые там поселились и постепенно полностью акклиматизировались в среде иранского населения.

Точно определить время проникновения могольского языка в Афганистан, пока не очень возможно. Весьма вероятно, однако, что этот процесс произошел в общем при персидских илханах, а также несомненно, что афганистанские монголы пришли не сразу а в нескольких следующих одна за другой волнах; последний раз, может быть, уже в период после падения илханов.¹⁹ Во всяком случае очень интересно, что по местным преданиям монголы якобы пришли в Афганистан под водительством ханов *Darmān ḫān*, *Zeḡnal ḫān*, *Aryun ḫān*, и *Buryut ḫān*.

С лингвистической точки зрения могольский язык в Афганистане, как и дагурский в Северной Маньчжурии или монгольские диалекты провинции Ганьсу, относится к числу т. н. окраинных диалектов. Это значит, что и могольский язык сравнительно рано оторвался от общемонгольской языковой общности, развивался обособленно, самостоятельно. В результате этого своеобразного развития могольский язык тоже сохранил много таких характерных для средне-монгольской эпохи свойств, которые вовсе неизвестны в обще-монгольских диалектах, с другой стороны, частью под влиянием окружающих языков, в нем произошли такие изменения, которые для общемонгольских диалектов являются чужими. Это обстоятельство само по себе в достаточной мере объясняет большое значение могольского языка в Афганистане с точки зрения монгольского языкознания.²⁰

Но с помощью большего языкового материала мы можем сегодня определить и те средне-монгольские диалекты, которые можно связать с могольским языком в Афганистане. Если рассматриваем языковые критерии, то без труда можем установить, что могольский язык носит по существу те же характерные черты, как и монгольские глоссарии, написанные на арабском и персидском языках в XIII—XV вв. (лейденский неизвестного автора, Ибн Муханна, Мукаддима ал-адаб, неизданный и истамбульский и парижский глоссарии), потом монгольские глоссы Рашиду-'д-Дина, Джуваини, Хамдуллаха Казвини, Эвлия Челеби и других. Эти магометанские авторы описанный ими язык называют «могал» или «могол», то есть так, как называют себя моголы в Афганистане, ставшие в магометанском окружении магометанами.

Несомненно, что монгольские части, которые в ходе монгольских завоеваний попали в Персию и на окружающую ее территорию, вышли из самых различных племен, следовательно, нет никакого основания думать, что все

¹⁹ Разумеется, что говоря в этом отношении о монголах Афганистана, следует учесть и такие племена, которые уже раньше потеряли свой язык монгольского происхождения, в том числе, хазара. О поселении могольских племен Афганистана ср. Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, том I (Москва 1953), стр. 6.

²⁰ На основе доступного ныне материала древние особенности могольского языка ясно подытожены в очерке Г. Д. Санжеева, там же, стр. 27.

они говорили на одном диалекте, или, что они говорили на таких диалектах, которые существенно отличались от остальных восточно-монгольских диалектов. Несомненно, в то же время и то, что попавшие на запад общие по языку монгольские группы, оторванно от монгольской языковой общности, в постоянном соприкосновении с окружающими тюркскими и иранскими языками, постепенно перешли к обособленной жизни и стали развиваться самостоятельно.²¹

В этом смысле, я думаю, не будет ошибкой, если западную группу, которую в широком смысле тоже можно называть могольской, будем считать отдельной группой средне-монгольского диалекта; от этой западной средне-монгольской языковой группы происходит и сегодняшний могольский язык в Афганистане. Конечно, следует подчеркнуть, что начиная еще со средне-монгольского периода, эту группу нельзя считать вполне единой с точки зрения языка, ведь тенденция к сформированию диалектов появилась уже весьма рано; диалектное расчленение хорошо заметно у отмирающего могольского языка в Афганистане.

Мы должны сослаться и на то, что в области исследования памятников могольского языка средне-монгольской эпохи, перед нами стоит целый ряд задач; в ходе этой работы особенно большое внимание следует уделять обработке монгольских элементов в персидском, чагатайском и других языках.²²

В ходе изложения моего исследования относительно могольского языка я подробно занимаюсь материалом, собранным моими предшественниками, попытаюсь исправить их ошибки и дополнить, по возможности, их неполные сведения. После ценной работы R a m s t e d t'a почти никто не пользовался ранним, в работе довольно неудобным, глоссарием L e e s h'a. Об этом можно только сожалеть, тем более, что эти две записи сделаны по двум совершенно различным могольским диалектам. Правда, в этом значительную роль могло сыграть и то, что из-за обработки G a b e l e n t z'a,

²¹ Мы должны согласиться с С а н ж е е в ы м в том, что в XIII—XIV вв. различия между монгольскими диалектами были значительно меньше, чем сегодня. См. Г. Д. С а н ж е е в, К некоторым вопросам изучения исторического развития языков. Изв. Ак. Наук (Отд. лит. и яз.), X (1951), 76. Это, конечно, далеко не значит, что монгольский язык XIII—XIV вв. был единым, и, что у него еще не было диалектов. Достаточно сослаться на записки той эпохи, в которых упоминаются могольские диалекты и имеющиеся между ними различия (напр. Рашиду-'д-Дин). На основании моих, до сих пор неопубликованных, исследований в области киданьского языка, я пришел к заключению, что диалектные различия существовали уже до XIII века, более того, мы должны считаться с диалектными различиями киданьского языка даже в IX—X вв.

²² Следует подчеркнуть, что монгольские элементы не во всех нынешних тюркских языках заимствованы из средне-монгольского языка. Относительно монгольских элементов в одной из групп тюркских языков, а именно сибирской, см. H a s a n E r e n, Sibiriya türk dillerinde moğol unsurları (оттиск из неназванного журнала, 35—43).

которой уделяли сравнительно больше внимания, материал *Leesch'a* стал далеко не благонадежным; многочисленные недоразумения, опiski, печатки, не то что привлекали, а скорее устрашали. Поэтому следует заметить, что ответственность за это несет прежде всего *Gabelentz*, а не *Leesch*.

Могольский материал сборника *Leesch'a*, как я отметил, в свое время появился в двух местах: в Журнале Бенгальского Азиатского Общества и отдельно в издании Географического Общества Бомбея, якобы в виде оттиска первой статьи. Этим оттиском и воспользовался *Gabelentz*. Но этот «оттиск» никак не является оттиском статьи, появившейся в *JASB* в нем другое распределение слов, другая орфография.²³ И что самое главное, этот «оттиск» кишмя кишит печатками, такими ошибками, по которым и следа нет в статье, появившейся в упомянутом журнале (хотя и она не лишена печаток). Интересно, что большая часть ошибок объясняется скорее неправильным чтением рукописи, чем типографскими ошибками: *eeknia* «падает» (вместо *ikina*), *modar* «сегодня» (вм. *inodar*), *koma* «после» (вм. *koinà*), *kujunni* «щя» (вм. *kujunn*), *inchman* «гость» (вм. *mehmàn*), *unutar* «спит» (вм. *nuntar*), *odwe* «день» (вм. *odur*), *oknya* «умер» (вм. *okuja*), *pinoo* «сесть (на коня)» (вм. *innà*) и т. п. Затруднение, создавшееся вследствие таких ошибок увеличилось и тем, что в некоторых случаях вкралась ошибка и в толкование слов, что препятствовало правильному отождествлению данных могольских слов: слово *kala*, *Gabelentz* переводит как «Kette», а в журнале *JASB* имеется правильное толкование «chin» (может быть в тексте *Gabelentz'a* стояло «chain?»); значение слова *konghan* по мнению *Gabelentz'a* «Licht», а в действительности английское слово «light» является двузначным — оно значит не только «свет», но и «легкий», и только последнее является правильным соответствием могольскому слову; слово *chah* по толкованию *Gabelentz'a* значит «gut, wohl»; однако английское слово «well» тут обозначает «колодец».²⁴

²³ Я не мог достать «оттиска», которым пользовался *Gabelentz*, так что мне не удалось установить, который из двух вариантов является более ранним. В опубликованном в *JASB* варианте не только что меньше печаток, но и фонетическая транскрипция точнее. Только в этом варианте обозначается долгое *ā* (*à*); долгие гласные в нем еще: *î* (иногда *ì*) *û*; последние в оттиске, которым пользовался *Gabelentz*, обозначаются при помощи *ee*, *oo*.

²⁴ Исправление этих ошибок сразу дает правильное объяснение могольских слов, которые считались загадочными. 1° *kala* «подбородок» ~ хаз. (Dj, Dz, T) *kalla* «подбородок», перс. *K kalla* «то же самое»; афг. *З kala* «голова (скота)», узбек. *Qt, KM kalla* «голова», осм. *kelle* «atgeschlagener Kopf»; «Kopf, auf den eine Prämie gesetzt ist»; перс. *kala* «the face or cheek» (St), *kalla* «the head» (Haim); перс. *källe* «1. голова; макушка, темя; 2. верхушка» (Миллер, 404); 2° *kongàn* «легкий» ~ мого. *R kungōn*, *M kungān*, *kungā* «то же самое»; *IM, MA, AI kōngen*; монг. *kōnggen* «то же самое»; 3° *chah* «колодец» ~ мого. *Mr cā* «пропасть; колодец», *M, cā, ča* «колодец»; перс. *čāh* «a well, pit; a prison, dungeon; a snare» (St) перс. *čāh* «1. колодец; 2. яма, углубление; шахта» (Миллер, 161).

Что касается могольского материала R a m s t e d t'a, то это ценный труд, и можно только удивляться, что он сумел создать за такое короткое время труд такого объема. Естественно, что остались в нем неразобранные, неправильно истолкованные слова, что в фонетических записях замечается кое-где колебание, а иногда даже неточность. Действительно, поразительно непривычное впечатление, которое производит на исследователя, приезжающего с территории монгольских языков, могольский язык в Афганистане, со своим иранизированным фонетизмом, с иногда, казалось бы, непонятными грамматическими свойствами и не в меньшей мере многочисленными иранскими элементами в словарном составе.

Самую большую трудность для R a m s t e d t'a, конечно, могло представлять и то, что он встречался очень часто с такими таджикскими диалектизмами, которых он раньше не встречал ни в одном из источников. Вот несколько примеров.

В одном тексте (Mogholica, 11) R a m s t e d t дает три слова: *sapčā*, *malda*, *masqa*; ни одного из них не переводит, в глоссарии ставит возле них вопросительный знак и все истолковывает как «etwas Essbares». Все три слова являются словами местного таджикского диалекта. Слово *sapčā* я тоже встретил в мангутском диалекте могольского языка, где оно имеет значение «маленький, еще неспелый сорт дыни, которую едят»; это слово в такой же форме и с тем же значением имеется и в гератском таджикском диалекте. J. E. T. Aitchison²⁵ записал это слово так: *sabcha* «the gourd of Benincasia cerifera, was eaten as a vegetable» (178). Слово *malda*, кажется, относится к более редко употребляемым словам, хотя его этимология и ясна. В диалектах марда и мангут я сам тоже слышал форму *malda*, его значение: «хлеб, разрезанный на маленькие куски, смятый с жиром, сахаром (предпочитается особенно женщинами)». По мнению моих осведомителей могольское слово по значению полностью совпадает с хорошо известным в гератском таджикском языке словом *čangali*, которое по мнению Steingass'a имеет следующее значение: «hot bread, syrup or honey and butter made into a cake». А слово *maska* (это правильная форма, *masqa* же основывается на ошибочной записи), можно сказать, общеизвестное. Более важными сведениями являются следующие: могол. Mr, M *maska* «масло»; узбек. KM *maska*; сарт. *maska* «свежее коровье масло» (Наливкин, 82); вост. тюрк. *mäskä* «свежее масло» (Падл. IV, 2108); джаг. *مسك* «beurre frais» (P. d C 499); перс. *مسك maska* «fresh butter» (Steingass 1238), *mäske* «сливочное масло» (Миллер, 494); перс. Мешх. *mäskä*; тадж. *maska* «сливочное масло» (Рахими — Успенская, 217); тадж. Гер. *maska* «масло»;

²⁵ J. E. T. Aitchison, Notes on the Products of Western Afghanistan and of North-Eastern Persia: Transactions of the Botanical Society, Edinburg XVIII (1890). Работа вышла и отдельным оттиском; цитирую на основании оттиска.

тадж. Каб. *maska* «butter» (Bogdanov, 92); йидга *masko*, мунджи *maska* «butter» (Morgenstierne, 229); вахи *maska* «id.» (Morgenstierne, 530); хинд. *maska* «butter» (Platts, 1035).

Во второй части своей книги я разработал материал, собранный по диалектам аймакскому, хазара и вообще по таджикским диалектам в Афганистане. Не будучи иранистом, вначале я не намеревался записывать такой материал, а то, что я все таки собрал, прежде всего служило справочным материалом для меня самого. Я должен был проверять язык аймаков и хазара из-за могольского языка; в ходе моей работы над могольским языком для меня становилось все яснее, что без знания местных таджикских диалектов очень часто невозможно справиться и с самым могольским языком. Правда, что на месте исследований дело оказалось гораздо проще, так как я выучил гератский диалект, и за все время моих исследований я пользовался им как вспомогательным языком в общении с моими учителями, а не персидским языком Персии. В действительности я только после моего возвращения на родину заметил, что о таджикских диалектах в Афганистане все еще не имеются в нашем распоряжении нужные вспомогательные средства. Так я решился после долгих колебаний опубликовать и мои записки, несмотря на то, что они представляют собой результат случайного и не систематического собирания. Однако я строго следил за тем, чтобы никогда не полагаться на свою память. Поэтому позже я не пополнял своего материала и публикую лишь то, что записано мною и в такой форме, в какой я записал этот материал на месте.

Внешние условия моих иранистических исследований в достаточной мере объясняют и то, что в этой области я, к сожалению, не собирал текстов, а исключительно материал лексикографического характера.

В ходе моих исследований вскоре выяснилось, что аймаки по языку ничего общего не имеют с моголами. *Aймаq* или *čār aймаq* «четыре аймака» по мнению информаторов Ramstedt'a состоит из племен *jamšīdī*, *hazara*, *fīruzkuī* и *tejmanī*. По моим сведениям хазара не причисляют к аймакам, а *jamšīdī* живут на персидской территории, следовательно они не упоминаются. Мой материал заимствован из языков племен *fīruzkuī*, *tejmanī*, что же касается материала последнего племени, то он представлен в двух вариантах, а именно по территории *Zei zuyān* и *Γōr*.²⁶

Нет сомнения в том, что исследованный мною язык аймаков является таджикским диалектом, который значительно отличается, например, от гератского, но с точки зрения словарного состава не имеет ничего бросающегося в глаза. Правда, что можно в нем найти тюркские элементы, и кое-

²⁶ Аймаков прежде многие относили к монгольскому населению Афганистана. Последний раз эта гипотеза возникла в связи с населением *tejmanī*, относящимся к «четырем аймакам» (см. 15-ую сноску). На основании моих исследований я должен отвергнуть и эту гипотезу.

где даже несколько монгольских слов, однако, все это характерно для подавляющего большинства таджикских диалектов в Афганистане, так что значительная часть этих тюркских и монгольских слов общеизвестна и в гератском языке.

А что касается хазара, то можно установить уже при поверхностном исследовании, что они тоже не говорят на каком-то монгольском диалекте, а говорят на таджикском.²⁷ Несмотря на это, за все мое пребывание в Афганистане я постоянно занимался словарным составом хазара.

Дело в том, что моим поваром был молодой хазара из племени Дай-зенги, который, хотя прекрасно знал гератский диалект, все-таки уже в начале моей работы в отношении конкретных предметов и инструментов вместо обычных местных названий, употреблял название хазара. Таким образом он в своей речи употреблял такие слова, монгольский характер которых был сразу заметен, или в другом отношении значительно отличался от названий, употребляемых обыкновенно в таджикском диалекте.

Начиная с этого я планомерно увеличивал свой словарный материал хазара, ограничиваясь, конечно, только словами, имеющими редкую или отличительную звуковую форму. Наконец, объем моего сборника увеличился больше чем на 1000 слов, охватывая язык следующих племен хазара: *Bēsut, Jāyuri, Dāikundī, Dāizangī, Orazyān, Turkmān-hazara, Gazničī*.²⁸

В словарном составе хазара самыми бросающимися в глаза элементами несомненно являются монгольские элементы. Большая часть из них такова, что они даже моголу неизвестны; встречаются среди них даже такие, которые в настоящее время не нахожу ни в одном из окружающих таджикских диалектов. Вот для иллюстрации несколько слов хазара монгольского происхождения: *āluγa* Dz «молот», *āloγa* B, T ~ монг. *aluqa; qādur* Dz «серп» ~ монг. *qaduyur*, орд. *χavūr*; *bēleḡ* B, Dz, T «кожаные перчатки» ~ монг. *begelei*, чаг. *بجلی* (P d C), калм. *bēlē*; *buryasu* B «(белая) ивина» ~ монг.

²⁷ Из новой литературы относительно хазара достойны внимания: Э. Г. Гафферберг, *Формы брака и свадебные обряды у джемшидови хазарэ: Советская Этнография* 1936 — E. Bacon, *An inquiry into the History of the Hazara Mongols of Afghanistan: Southwestern Journal of Anthropology* VII (1951), 230—247.

²⁸ Теория, которая считает, что хазара разделяются на две части (Дай-кунди и Дай-зенги) является ошибочной. (См. упом. труд G. Jarring, 79; правописание *Dai-Sengi*, в английском также никак нельзя одобрить.) По труду H. W. Bel ew, *The Races of Afghanistan, Being a Brief Account of the Principal Nations Inhabiting that Country* (Calcutta 1850), 114—115, хазара вначале состояли из десяти групп. Из них автор перечисляет следующие живущие и в середине прошлого столетия в том месте: *Jāghuri, Bihsūd, Dāhi Zangī, Dāhi Kundī, Gaur, Dāhi Rawād, Dāhi Chopān, Dāhyā*. При своих исследованиях из этих племенных названий я встретился только с *Dāhi Chopān*, которое я сам слышал в форме *Dai-Choppān*. Однако мне не удалось встретиться с таким хазара, который принадлежал бы к этому племени, следовательно таких слов в моем сборнике нет.

buryasun; *čeiži* Dz «грудь», *čejin* B, T, *čēji* Dj ~ монг. *čegeji*, орд. *tš'ēvzi*; *γuja* B, Dz, O, T «ляжка» ~ монг. *γuja*; *sūdri* B, Dz, T «изморозь», *šūdri* Dj, G, O ~ монг. *sigūderi*, калм. *šūdr*, орд. *sūder*. С точки зрения дальнейших исследований эти элементы имеют особое значение, и можно было бы сделать на основании этого еще более серьезные выводы, если было бы доказано, что хазара, или их значительная часть на самом деле принадлежали к монгольским народам.

Наличие монгольских слов в каком-нибудь языке Афганистана в этом отношении ничего не говорит; такие элементы обильно попадали в словарный состав языков Афганистана, как следы прежнего монгольского завоевания. Однако большинство этих монгольских слов является принадлежащим к международному словарному запасу, и хотя их происхождения ясно, часто нельзя установить, у которого народа заимствовано данное слово. Возьмем следующий случай: хаз. B, T *ǰauji* «удила»; монг. MA *ǰūǰai* (это слово неизвестно в афганистанском могольском); монг. *ǰayǰai*, *ǰuiǰai* < *ǰayu-* «кусать, жалить»; орд. *džyvdžī*; хал. *džyvdžā*; чаг. MA *ǰūǰai*; тюрк., кирг. *ǰoǰay* (Bellin); вахи *ǰauji*; бур. *ǰauji* (насчет двух последних см. Veneniste: Journ. As. 1948, 179). Без того, чтобы затронуть вопрос о языках, у которых непосредственно заимствованы перечисленные слова (мы не стремились к полноте), с точки зрения фонетики они ясно показывают на две группы. Более интересной является несомненно группа, которую представляют языки хазара, вахи Памира и бурушаский, ибо эта группа в конечном счете сохранила специфический афганистанский вариант монгольского слова.

Естественно, нельзя определить точное происхождение каждого, имеющегося и в хазара слова международного словарного фонда. Эти слова оказывают помощь при решении многочисленных, до сих пор еще не выясненных проблем. В качестве примера сошлюсь на два таких слова, эквиваленты которых находятся еще в тюркском словаре XI века Махмūd ал-Кāшгарī, не считая, однако, их тюркское происхождение безусловно оправданным.

Хаз. B, Dj, O, T *kēzlik* «нож» (сомнительно, относится ли сюда с этимологической точки зрения: хаз. Dz *kiljik* «то же самое»); Кāшг. *kāzlik* «kleines Messer, wie es die Frauen am Mantel tragen» (Broskelmann, 107); Абū Хаййān *kāzlik* (Cafetoglu, 48); чаг. *kezlik* «маленький карманный ножик» (Радл. II, 1180, P d C 459); кирг. *kizdik* (Радл., там же); осм. *kizlik* «небольшой ножик, перочинный ножик, кривое лезвие клинка» (Радл. II, 1391), *gizlik* «a small sheath-knife; an eastern pen-knife; *gezlik* «a clasp knife, also a kind of sabre» (Redhouse, 1544); пер. *kizlik* «a knife, penknife, scarper, clasp-knife, razor; the curved point of a sword» (Steing., 1027), *gizlik* «a small long-handled knife; a sort of penknife with a crooked point and narrow at the other end, chiefly brought from Egypt» (Steing., 1088), *kazlak*, *kizlik*, *gazlak*, *gizlik* «a long-handled

knife, а knife-poniard» (Найм II, 632, 714); перс. *gezlek, gezlik, kezlek* «небольшой ножик» (Миллер, 423); тдж. *gizlak* «маленький нож с длинной ручкой для подчистки написанного чернилами; складной нож» (Павловский I, 120); тадж. *gazlak* «перочинный нож, ножичек» (Рахими — Успенская, 95).

Хаз. В, Dj, Dz, Т *ögrä* «грубая мука, приготовленная из нее пища (по другому названию *dalda*)»: Кашг. *ögrä* «Fadennudel, Nudeln, Suppe» (гласный в первом слого по известным соображениям я читаю как *ö*; Вгокkelmann, не узнавая тождество слова, два раза встречающегося в его словаре, дает формы *ökrä* и *ügrä*; Besim Atalay единообразно читает как *ügre*); уйг. *ögrä*, «Brei» ТТТ VII, 26; (Рахмати читает слова как *ügrä*, но Gabaïn, Alttürk. Gram., 323, уже правильно дает форму *ögrä*); чаг. *ögrä* (МА, 151, значение его тождественно с значением монгольского слова *ečekesen budān*); саг., койб., кач. *ügrä* «бульон, суп из мелкой крупы, жидкая каша» (Падл. I, 1813; в этих диалектах *ü* в начале слова по правилу соответствует прежнему тюркскому *ö*, см. саг., койб., кач. *ügrän* «учиться» < *ögrän*-); миш., симб., туб., шор., *ürä* «жидкая каша»; туб., шор.: «кашица из мелкой крупы на молоке» (Падл. I, 1826); перс. *ugrā*, «gruel, pottage» (Steing., 90, считает слово оригинальным); тадж. *ūgro* «лапша, вермишель» (Рахими — Успенская, 402); афг. *ūgrā* «кушанье из масла, риса и зелени» (Зудин, 49); хинд. *ogrā* и *oghrā* «a mixed mess, a dish like *khičri*, gruel, pottage» (Platts, 106, по его мнению слово происходит из языка хинди).

В словарном составе хазаре мы встречаем и такие элементы, которые, хотя по происхождению иранские, но все же не относятся к собственному (дуалектному) таджикскому словарному составу. Таким является, например, хаз. В *allāša* «подбородок», которое не засвидетельствовано персидским литературным языком, а встречается в бадахшанском таджикском диалекте в форме *alauša*, можно сопоставить с ним следующие памирские данные: сгл. *alašē, alaše, alāša*; ишк. *alaxša, alāša*; вахи *alaša, aylaχā, ala(χ)šā*. Приведенные иранские данные Jacobson, между прочим, связывал и с данными угро-финских языков.²⁹

Хотя и в небольшом количестве, но все-таки встречаются в хазара и такие слова, как *ogra* В, Dj, Т «глаз», более точное происхождение или родство которых в настоящее время невозможно установить. Часть словарного состава, относящаяся к этому пласту, может содержать в себе и такие элементы, которые заимствованы у исчезнувших языков Афганистана или других территорий.

²⁹ Н. Jacobson, Arier und Ugrofinnen (Göttingen 1922), 218. Cp. G. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages II (Oslo 1938), 380; I, 233, 387 (данные языков пар., ор, шгн, паш.). См. Н. Sköld, Materialien zu den iranischen Pamirsprachen (Lund 1936), 141, n° 99 (*šā*).

Мой словарный материал, по таджикским диалектам Афганистана, собран преимущественно в Герате и Кабуле. Эти два названия представляют скорее только общую информацию, нежели точное определение диалектной территории; при исследовании я не ограничивался Гератом и Кабулом, я учитывал также и данные близкой окрестности, но следил за тем, чтобы данные, взятые из далеких районов, или не поддающиеся в достаточной мере проверке, не попадали в собираемый мною материал. Следует упомянуть, что мои кабульские данные, не тождественны с теми, о которых пишет Bogdanov в упомянутой монографии. Ведь Bogdanov подчеркивает, что его целью является описание литературного таджикского языка Кабула, и он оставляет в стороне все, о чем можно установить, что носит диалектный характер. А я, наоборот свое внимание в Кабула обратил преимущественно не на литературный язык, а на материал диалектного, разговорного характера.³⁰

В третьей и последней части моей книги собираюсь разработать выпустить и собранный мною тюркский материал, за исключением, как я уже об этом упомянул, части, касающийся Кӯхӣ-Маймәнэ.

Самая значительная часть моего тюркского материала относится к узбекскому языку, точнее его диалектам кыпчакского типа. Основная часть моих записей относится к языку племени *qonrāt* а, гораздо меньшая часть

³⁰ В исследованных таджикских диалектах Афганистана в большом количестве находим слова, заимствованные из тюркских и монгольских языков (меня интересовали главным образом последние), которые могут оказать серьезную помощь не только с точки зрения исследования законов скрещивания языков, но могут помочь и в решении некоторых невыясненных проблем. Bogdanov, *Stray notes* 117 записал слово литературного таджикского языка Кабула *uyur* «mortar»; я его слышал в Кабуле в форме *oyor*. Morgenstierne, *Frontier Languages* I, 232, из языка парачи приводит форму *ḡuyur*. К этим следует присоединить: хазара *oyor* Т «деревянная ступка»; *oyur* В «то же» (собственная запись); джаг. اوغور «mortier de bois» (P d C 68) правильно следует читать как *oyur*, ср. джаг., вост. тюрк. *oyur* (P ад л. I, 1011); тадж. *ūgūr* «стула» (Бертельс, Русск.-тадж. 740). Morgenstierne считает его по происхождению персидским. Bogdanov сомневается в этом, однако не может объяснить его происхождение. Это слово по происхождению является несомненно монгольским, ср. монг. *oyur*, *oyur* «mortier, vase à piler, moulin à pilons» (Kow. I, 366), калм. *ūr*, хал., орд. *ūr*, бур. *ūr*, *ur*. Следовательно звук -γ- в положении между гласными в большей части нынешних диалектов исчез, в определенных диалектах средне-монгольского языка он должен был еще существовать, о чем свидетельствует, кроме приведенных тюркских и иранских данных, маньчж. *oyo* «то же». В средне-монгольском это слово имеет еще одну специфическую форму: *a'ur* (Сокровенное Сказание монголов, Хуа-и-и-юй), восходящее к более ранней форме *ayur* и, действительно, этот вариант встречается и в литературном монгольском языке (ср. Kow. I, 37). Интересно, что и этот последний вариант вошел в тюркские языки, ср. сарт. *ayir* (Наливкин, 258). О монгольском слове см. Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского языка и халхаского наречия (Ленинград 1929), 231, 247.

к диалектам племен *qatayan*, *dörmän*, *laqai*.³¹ И в этом случае своей главной задачей я считал исследование словарного состава, так что стихотворные и прозаические тексты я собирал лишь попутно.

Существенные звуковые особенности, являющиеся характерными для кыпчакского типа, встречаются во всех четырех диалектах, а именно: начальное *j*- в противоположность общетюркскому *ǰ*-, переход *-γ* (*-g*-), находящегося в конце слова или слога, в *-ǰ* (*-ǰ*-), озвончение *-k*- (*-q*-) и *-p*- в положении между гласными (последнее явление здесь тоже не является общим, подобно как и в большинстве кыпчакских языков). Вот несколько примеров: Qr, Qt, D, L *ǰüräk* «сердце» (Кāшг. *yüräk*); Qr, Qt, D, L *ǰaq* «челюсть» (К *yangaq*, *yayaq*); Qr, Qt *ǰäl* «год» (К *yil*); Qr, Qt, L *taǰ* «гора» (К *taγ*); Qr, Qt *ǰaǰ* «жир, масло» (К *yay*); Qr, L *azǰ* «коренной зуб» (К *azǰy*); Qr, Qt *ajǰ* «медведь» (К *adiγ*); Qr, Qt *aǰǰ* «горький» (К *aǰy*); Qr, D, L *ǰayrān* «лопатка», Qt *ǰayrun* (К *yayrān*); Qr *ǰgin* «зерно» (К *ākin*); Qr, Qt *ǰoyarā* «вверх» (К *yogari*); Qr, Qt *ǰǰyǰl* «сломаться» (К *yǰǰl*-); Qr, D, L *qabāq* «ресница» (К *qapaq*, В r o s k e l m a n н читает неправильно *qabaq*); Qr, D *töǰā* «темя» (К *töpā*).

В отдельных группах данных кроме общих сходств можно заметить небольшие диалектные отличия, как например, Qr, *ǰambāz*, «пах» L *ǰamǰz*, D *ǰambād* (К *yamiz*).

С точки зрения словарного состава также находим целый ряд интересных случаев. Вообще под иранским фонетизмом часто скрывается целый ряд древнетюркских слов; впрочем словарный состав исследованных узбекских диалектов кыпчакского типа из близких тюркских языков настойчиво напоминает киргизский язык.

Из более редко встречающихся слов упомянем здесь следующие: *ǰayyan* «вегетарианец» (К *yavyan aš* «Suppe ohne Fleisch»); *ǰuǰurǰqa* «люцерна» (К *yurǰnča*, *yurǰnčya*; это очень интересное слово, заслуживающее специальной монографии)³²; *ǰǰal* «страхивать с себя (песок)» (К *āšil*-); *mānā*

³¹ Эти племена в упомянутом труде G. J a g g i n g'a на основании прежней литературы упоминаются в форме: *Koungrad*, *Qungrad*, *Qungrat*, *Qongrat*, *Qataghan*, *Qattaghan*, *Kattaghan*, *Durmen*, *Lokai*. Из них племена *qongrat* и *dorman* известны по трудам тюркских историографов и по поэтическим произведениям, ср. V á m b é r y, *Das Türkenvolk*, стр. 348—349. *Qatayan* является, собственно говоря, географическим названием, а *Laqai* названием небольшой племенной единицы, которое за исключением узбекского племенного списка Л о г о ф е т а в других источниках едва ли встречается. Поэтому большое значение имеет появившаяся в последнее время прекрасная монография: Б. Х. К а р м ы ш е в а, К вопросу о происхождении Локайцев: Советская Этнография 1952 (4), 11—29, которая обстоятельно объясняет связи локайцев, живущих на территории Таджикской ССР с их соседями, живущими в Афганистане.

³² В. L a u f e r, *Sino-Iranica* (Chicago 1919), 214—215 в связи с иными названиями люцерны лишь коротко занимается несколькими, принадлежащими сюда данными, однако без выяснения происхождения слова.

«тесать (дерево)» (К *münä-* «an den Rändern beschneiden»); *pələk* «фитиль, трут (в светильнике)» (К *bälük*, монг. *bilta*); *ümgän* «передняя часть шеи» (К *ümgän* «Halsvene») и т. д.

Новые материалы по неизвестным до сих пор тюркским диалектам кыпчакского типа, несомненно помогают объяснению и старых кыпчакских языков. Итак, между прочим, разъяснению некоторых проблем половецкого словарного состава, имеющего большое значение с точки зрения венгерского языка, содействуют данные узбекского языка в Афганистане, хотя, нам хорошо известно, что узбекская ветвь не принадлежит к самым близким родственникам половецкого языка. Примерами могут послужить: *erinčäk* «ленивый, бездейственный» (СС *erinček* «faul, Faulheit»), *bija* «кобыла» (СС *bej* «Stute»), *bezgäk* «озноб» (СС *bezgek* «das kalte Fieber»), *büi* «тарантул» (СС *böv* «Spinne») и т. д.

Сложные проблемы другого характера вызывает следующее: узбек. Қг *očar*, *uočar* «ярмарка, базар». Это слово употребляется и самостоятельно, и в выражении *bāzār očar* «то же самое». Я его записал не только в конгратском диалекте, но и в парханачи, а именно в форме *učar*. Данное слово известно и в тюркских языках, имеется в кумыкском языке, где оно произносится как *učar* (J. N é m e t h : KSz, XII, 152), в джагатайском языке *اوجار* (P d C 47), что читается также как *učar* (P a d л. I, 1723, «рынок»), причем упомянутое слово из тюркских языков перешло и в монгольский, в той же самой форме (*učar*, согласно неизданному истамбульскому глоссарию монгольского языка, 156b). Данное тюркское слово этимологически связано с новоперсидским *bāzār* и со средне-персидским словом *vāčār*. (Отсюда происходит, хотя и непосредственно и венгерское слово *vásár* [= *vāšār*]). В правильности данной этимологии едва ли можно сомневаться, и, что важнее всего, этимология данного слова опять обращает наше внимание на старые заимствования в тюркских языках из средне-персидского языка. Уже несколько раз затрагивали этот вопрос, но успокаивающего результата мы еще не достигли; нашим иранистам и тюркологам стоило бы снова заняться невыясненными до сих пор в должной мере вопросами.³³

К турецкому (по терминологии Н. А. Баскакова — карлукскому) типу узбекского языка относится мой упомянутый материал по языку племени *kūhī-маймэнэ*, а также немногочисленные записи по языкам племен *Parčanači*, *Qarlôq Dārâna-qarlôq*. Упомянутый тип языка сохранил оригинальное начальное *j-*, а также *-γ (-g)* в конце слога и слова, изменившееся

³³ О существующих до сих пор исследованиях по древним иранским элементам в тюркских языках имеется ценная критика, написанная тюркологом J. N é m e t h, *Probleme der türkischen Urzeit: Bibliotheca Orientalis Hungarica V* (Budapest 1942—1947), 89. До сих пор при исследовании не отделяли с надлежащей заботой предполагаемые индо-иранские заимствования от иранских и вообще не уделяли внимания хронологии заимствований.

впоследствии в *-q* (*-k*). Да и не всегда легко провести границу между узбекскими диалектами, турецкого типа и турецкими диалектами. В этом отношении особенно сомнительно положение *qarlâq*; повидимому правильным следует считать соображение, по которому карлуков следует совершенно отделить от узбеков (см. J a r r i n g, упом. труд, 72). Следует отметить, что ни карлуки не считают себя узбеками, ни узбеки не причисляют их к своим племенам.³⁴

Между отдельными узбекскими диалектами строгих границ нет; особенно в диалектах узбеков, непосредственно общающихся друг с другом, встречаем с точки зрения диалекта чужие элементы. Тем более удивительно, что, вопреки этому, люди, говорящие на узбекском и туркменском языках, делают резкое отличие между этими языками. Не один из моих узбекских учителей постоянно обращал мое внимание на то, что спрашиваемое слово у них звучит так и так, а туркмены для выражения тех же понятий «неправильно» употребляют совершенно другое слово. С таким отношением я встретился и у туркмен; в обоих случаях мы имеем дело с сознательностью, которая связана со специфическим (узбекским или туркменским) соображением правильного употребления языка.³⁵

Это явление нельзя считать пустым курьезом или чем-то таким, что является характерным только для современного состояния в развитии упомянутых языков. Наоборот, следы этого мы находим уже в далеком прошлом: в кыпчакско-арабских (персидских) словарях XIII—XIV вв. во многих случаях наряду с кыпчакским словом находим соответствующий огузский или туркменский вариант. Эта параллельность или противоположность в тех же словах выступает и ныне в словарном составе современного узбекского языка кыпчакского типа и современного туркменского языка.³⁶

Мой материал по огузскому языку является слишком скромным. Необходимое количество слов и несколько песен я записал на языке туркменских племен *Aqça*, *Naçorlâ* и *Qâzâl ajaq*. Несколько большего объема

³⁴ О карлуках Афганистана на основании имеющейся литературы см. G. J a r r i n g упом. труд 71—73. Слышанное мною *Dârâna* по всей вероятности связано с известным названием поселка *Deraim*.

³⁵ Н. А. Баскаков, ук. соч., стр. 125, при классификации тюркских языков учитывает — очень правильно — также и эти различия, сказывавшиеся еще с давних времен в словарном составе кыпчакских и огузских языков.

³⁶ Таковыми являются, например, в лейденском кыпчакском словаре неизвестного автора (M. T h. H o u t s m a, Ein türkisch-arabisches Glossar, Leiden 1894): кыпчакское (= к.) *quyaš* «день» ~ туркменское (= т.) *günäš*; к. *kärtmä* «груша» ~ т. *armut*; к. *kökän* «терн» ~ т. *abu*; к. *borla* «вино» ~ т. *yüzüm*; к. *qoçqar* «баран» ~ т. *qoç*; к. *äŋki* «коза» ~ т. *küçi* (Houtsma и в этом случае в кыпчакско-немецкой части не обозначает диалектного различия ни при одном слове, здесь только арабская часть дает правильную информацию); к. *ëyüt* «сыр» т. *bänir*; к. *kindik* «пуп» — т. *göbäk* и т. д.

являются записи, сделанные среди кызылбашей (*qəzālbāš*), точнее авшаров (*awšar*)³⁷.

С лингвистической точки зрения внимания заслуживает главным образом последний диалект.

В своем небольшом отчете я попытался рассказать о том, что войдет вготавливаемую мной к печати книгу из моих лингвистических исследований в Афганистане, а кроме того, я попытался при помощи нескольких примеров, которые мне казались характерными, иллюстрировать характер моей работы; я стремился также найти нити, связывающие собранный мною материал с проблемами более близких и более далеких территорий.

Я должен подчеркнуть однако и тут, что мне самому вполне ясны пределы и недостатки моего начинания. Но мне кажется, что в этой широко разветвленной области языкознания, по которой в большинстве случаев еще не проведена подготовительная работа, стоит взять на себя почти что неизбежные ошибки пионерской работы.

Мой материал даже в своей окончательной форме не дает полной и окончательной картины ни одного из рассмотренных языков; задачей дальнейших исследований является дополнение и в некоторых случаях исправление этого материала. Однако, собранный мною материал, в его настоящей неполной форме, дает возможность постановки некоторых принципиальных вопросов. Изложением этих вопросов я теперь не занимался, не только потому, что они выходили бы за пределы моего доклада, но и потому, что каждый из этих вопросов заслуживает отдельной монографии.

L. Ligeti

RECHERCHES SUR LES DIALECTES MONGOLS ET TURCS DE L'AFGHANISTAN.

L'auteur de cet article a effectué, en 1936 et 1937, des recherches linguistiques en Afghanistan, sous les auspices de l'Académie des Sciences de Hongrie. Son but était de savoir si l'on parlait encore en Afghanistan, la langue moghole, depuis longtemps en voie d'extinction. Dans le cas d'une réponse affirmative, il s'agissait pour lui de rassembler le plus de matériaux possible, dans la mesure où le permettaient les circonstances. Il fallait en outre arriver à savoir quelle langue parlent les Hazaras et les Aimak qu'on avait rangés dans le même groupe que les Moghols avec lesquels on les avait même confondus. Par contre, s'ils ne parlent pas moghol, ce qui était d'ailleurs à supposer, existe-t-il dans leur langue actuelle des éléments d'origine mongole. Il s'agissait, par ailleurs, autant que le permettaient le temps et les circonstances, de réunir, à titre de documentation, des matériaux concernant les langues et les dialectes turcs de l'Afghanistan, qui sont assez peu connus.

³⁷ Основную литературу по поселению афганистанских кызылбашей см. в упомянутом труде G. Jarring'a, стр. 76—78.

Le texte qui précède est la traduction russe d'une conférence que l'auteur fit à l'Académie des Sciences de Hongrie, en annonçant la publication prochaine des matériaux linguistiques qu'il avait rapportés d'Afghanistan. Ce matériel linguistique comprend trois parties :

1. Les résultats d'une enquête linguistique ayant trait à la langue moghole. Cette enquête touchait également aux dialectes visiblement différenciés des tribus Marda et Mangoute ; l'auteur a réussi, ici et là, à réunir quelques données concernant les sous-dialectes rattachés aux deux dialectes en question. Il a pu établir également qu'en dehors de ces deux dialectes, on devait tenir compte de plusieurs autres dialectes moghols. En raison des difficultés auxquelles l'auteur s'est heurté au cours de ses recherches, il a été impossible de rassembler des matériaux linguistiques concernant d'autres dialectes. Il a été en effet impossible de se faire une idée d'ensemble complète de tous les dialectes moghols, des limites dialectales, et en général du nombre d'individus parlant le moghol. Actuellement, la langue moghole témoigne d'une forte influence iranienne, mais elle devait déjà présenter ce caractère il y a plus de cent ans, ainsi qu'on peut le présumer des notes publiées par R. Leech concernant la langue moghole. Les Moghols de nos jours sont bilingues : à côté de leur propre langue ils parlent indifféremment le dialecte tadjik local. Ce bilinguisme est un phénomène général parmi les hommes ; parmi les femmes, beaucoup également savent le tadjik. Le moghol est la langue que l'on parle de préférence chez soi, dans sa famille ; on s'en sert rarement devant les étrangers, ou alors lorsqu'on ne veut pas que d'autres comprennent une chose confidentielle que l'on a à se dire. Pour en revenir aux matériaux linguistiques moghol, l'auteur a rassemblé plus de 4000 mots, puis des phrases plus ou moins longues destinées à servir d'exemples, et à montrer le sens et l'emploi de certains mots. En outre il a été rassemblé également des textes moghols, en dialecte marda. Ce recueil de textes est malheureusement très réduit. En dépit des recherches les plus assidues, il n'a pas été possible de trouver parmi les Moghols, des chanteurs ou des conteurs populaires. S'il s'en trouve malgré tout, ils constituent des cas tout à fait isolés. Le fait est d'autant plus frappant qu'en Afghanistan on trouve à foison des chanteurs et des conteurs professionnels, tadjiks, afghans, uzbeks etc. Lorsque nous étions à la recherche de conteurs ou de chanteurs populaires moghols, les Moghols se sont toujours refusés à satisfaire à notre demande, avec le prétexte qu'on n'a pas l'habitude de conter des légendes en moghol, et au lieu de cela, ils essayaient continuellement de nous persuader d'écouter des conteurs et des chanteurs tadjiks ou afghans. Ce défréissement du folklore moghol peut sans nul doute être expliqué par le bilinguisme des Moghols. Cependant l'auteur réussit à se procurer un recueil de vers autographes d'un poète moghol, mort jeune, *Qâdar*, dans lequel on a pu relever, à côté de ses poésies écrites en persan et en arabe, quelques poèmes en moghol.

2. Matériaux folkloriques uzbek. La source en est un conteur unique ; ce matériel comprend plusieurs *dastân*, contés en prose, sous une forme vivante et colorée, le tout constituant un volume de quelque 300 pages. Ce recueil est un exemple de ce dialecte, rattaché à la langue uzbek, que parle la tribu *Kūhî*, dans le voisinage de *Maimene*. Ce dialecte fait partie des dialectes uzbek iranisés qui ne relèvent pas du type kiptchak. Ce deuxième groupe du matériel linguistique rassemblé en Afghanistan comporte, outre les textes uzbek, les traductions de ceux-ci, un court résumé grammatical, et un répertoire de mots plus étendu, qui groupe non seulement les mots qu'on rencontre dans les textes, mais aussi des mots recueillis indépendamment de ces textes.

3. Des renseignements d'une valeur générale concernant les recherches linguistiques faites par l'auteur en Afghanistan ; dans cette partie se trouvent également groupés des relevés linguistiques de moindre importance, que l'auteur a constitués au cours

de son voyage et que, par manque de temps et de circonstances adéquates, il n'a pas été en mesure d'élargir comme il aurait convenu.

Voici rapidement les questions à traiter dans cette partie : Les Moghols n'acceptent pas l'appellation d'Aïm a k. La vieille appellation *čār aïmaq* «les quatre Aïmak» ne se rencontre plus du tout parmi les appellations actuellement vivantes en Afghanistan. Parmi les quatre tribus qui étaient censées appartenir à ce groupe (*Jamšīdī, Hazara, Fīrūzkūi, Tejmanī*) la tribu *Jamšīdī*, depuis assez longtemps déjà, vit en territoire persan, et n'a pratiquement aucun contact avec les Aïmak d'Afghanistan, et aucune mention n'est faite d'une ancienne communauté qui aurait existé entre eux. En ce qui concerne les Hazara, tous mes informateurs les excluaient d'une façon formelle, des Aïmak. Par contre, ils sont unanimes à considérer comme Aïmak, les tribus *Fīrūzkūi* et *Tejmanī*, qui de nos jours encore vivent d'une vie nomade. Il se peut qu'à ce dernier titre, on dénomme éventuellement Aïmak également, certaines tribus tadjik et afghans, ce qui ne change rien au fait que les Moghols ne sont pas des Aïmak, et surtout pas certainement, du point de vue linguistique. Les nomades des tribus *Fīrūzkūi* et *Tejmanī* parlent, sans contestation possible, un dialecte tadjik et tadjik seulement. Leur vocabulaire ne comporte rien de particulier, et si on y rencontre quelques éléments turcs, voire parfois un élément mongol, on ne peut pour autant en déduire qu'ils aient été de langue turque ou mongole, parce que ces mêmes éléments turcs ou mongols caractérisent généralement la majorité des dialectes tadjiks de l'Afghanistan. A partir de l'enquête qu'il a effectuée, l'auteur a l'intention de donner un bref échantillon du vocabulaire des tribus *Fīrūzkūi* et *Tejmanī*. En ce qui concerne la tribu *Tejmanī*, l'auteur a mis à contribution le dialecte de ceux qui habitent à *Zej awyān* et *Γōr*. Pour ce qui est des *Hazara*, d'après ce qui ressort d'un certain nombre de textes historiques, c'est une opinion assez généralement admise que les *Hazara*, ou tout au moins une bonne partie d'entre eux, doivent être considérés comme les descendants des anciens Mongols. Véritablement, de nos jours encore, le nombre des *Hazara* qui présentent des traits d'anthropologie mongols, est étonnant. Par contre il ne fait aucun doute que les *Hazara* actuels ignorent la langue mongole ; toutes les tribus *hazara* connues de l'auteur parlent un dialecte tadjik. L'étude de ces dialectes étant du ressort des iranisans, l'auteur n'avait pas à l'origine l'intention de s'en occuper. C'est bien plutôt le hasard qui l'a conduit à se rendre compte du fait que le vocabulaire des dialectes *hazara* méritait, d'un autre point de vue également, une attention particulière. En effet, on rencontre tout une série de mots d'origine mongole dans le *hazara*, qui sont inconnus non seulement des dialectes tadjik environnants, mais du moghol d'Afghanistan même. Mais ce qui est plus curieux encore, c'est qu'il se trouve dans le *hazara* des mots rares, mêmes s'ils sont peu nombreux, comme, par exemple, *oqra* «œil», qu'il serait difficile d'expliquer à l'aide d'une des langues parlées actuellement en Afghanistan. Tout ceci a conduit l'auteur à noter, dès qu'ils se présentaient à lui, tous les éléments du vocabulaire des *Hazara*, qui pour une raison ou pour une autre, offraient un caractère intéressant. Le résultat de cette enquête, dont on ne peut dire d'aucune façon qu'elle ait été systématique, mais qui s'est poursuivie tout le long du séjour d'étude de l'auteur en Afghanistan, a été un intéressant petit glossaire comprenant plus de 1000 mots. Dans les recherches de cet ordre, a été pris en considération le vocabulaire des tribus *hazara* suivantes : *Bēsūt, Jāyurī, Daikundī, Daizangī Orazyān, Turkmān-hazara, Gazničī*. L'influence que l'iranien a exercée sur la langue moghole, du point de vue du vocabulaire, du système phonétique etc., est si considérable qu'on ne peut approcher cette langue par l'intermédiaire des seules langues et dialectes mongols. Il est indispensable, pour cette étude, d'avoir une certaine connaissance des dialectes tadjik de la région. Malheureusement, en ce qui concerne les dialectes tadjik de l'Afghanistan, nos connaissances ne peuvent être con-

sidérées, aujourd'hui encore, comme satisfaisantes, surtout lorsqu'il s'agit des régions où l'on parle également le moghol. C'est bien pourquoi l'auteur s'est vu contraint de consacrer une attention accrue à la question ; en outre, au cours de ce voyage en Afghanistan, il a fallu apprendre pratiquement le tadjik de Hérat, cette langue constituant une langue de véhicule. Ici encore, l'auteur a reporté l'essentiel de son attention sur le vocabulaire, et le résultat de cette étude a été la mise au point d'un petit glossaire tadjik, où, en dehors du dialecte de Hérat, la langue parlée de Kaboul a été également prise en considération. Parmi les langues turques, c'est d'abord et surtout l'uzbek qui a fait l'objet d'une étude particulière. A côté du dialecte de *Kūhī*, relevant de cette langue et dont il a déjà été question, la plus grande attention a été accordée au *qorāt*, qui fait partie des dialectes de type kiptchak de l'uzbek, de même que le *Parḡanači*, le *Qarlāq* ou encore le *Dārāna-qarlāq*, que l'auteur a également étudiés, quoique seulement en passant. Il est à remarquer que, contrairement à ce qu'il en est des *Parḡanači*, on ne range pas parmi les tribus uzbek, les *Qarlāq*. En ce qui concerne les dialectes turkmènes, l'auteur n'a recueilli qu'un matériel linguistique modeste ayant trait aux dialectes des tribus *Aqča*, *Nāxorlā*, et *Qāzāl ayaq*, ainsi qu'un glossaire assez mince et quelques chants. Le recueil, constitué à partir de la langue des *Qāzāl baš*, ou plus exactement des *Aušar*, vivant près de Kaboul, est plus volumineux.

Des matériaux recueillis au cours de notre voyage de recherches en Afghanistan nous avons l'intention de publier en premier lieu ceux qui appartiennent au troisième groupe, sous le titre «Une mission linguistique en Afghanistan».